

Научное міровоззрѣніе и философія.

(По поводу статьи проф. В. И. Вернадского „О научномъ міровоззрѣніи“) ¹⁾.

III.

Въ предшествующихъ главахъ мы могли убѣдиться, что въ научномъ міровоззрѣніи присутствуютъ положенія умозрительного характера, которые въ своемъ универсальномъ смыслѣ допускаютъ только приблизительную и гадательную эмпирическую повѣрку. Въ примѣрѣ умозрительныхъ положеній подобного рода мы взяли общепризнанные законы сохраненія вещества и сохраненія энергіи. Мы видѣли также, что эти положенія не допускаютъ и строгаго умозрительного обоснованія, которое не опиралось бы на предвзятая предпосылки. Въ окончательномъ результатаѣ получилось, что міросозерцаніе, обыкновенно называемое научнымъ, оказывается зданіемъ довольно шаткимъ въ самыхъ коренныхъ своихъ устояхъ.

Однако здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ объ одномъ неожиданномъ возраженіи, которое мнѣ неоднократно приходилось слышать противъ выводовъ проф. Вернадского въ его интересной статьѣ. Именно нѣкоторые его противники страннымъ образомъ утверждали, что онъ говоритъ о совершенно несуществующей вещи. Глубоко возмущаясь его мнѣніемъ, что въ научномъ міровоззрѣніи далеко не все обладаетъ одинаковой научною достовѣрностью, они

1) № 69 «Вопросы философіи и психологіи».

упорно настаивали, что научного міровоззрѣнія, отличного отъ самой науки, не существуетъ вовсе, и что разсуждать о немъ значитъ сражаться съ химерами и выдумками.

Мнѣ кажется, отвѣтъ на это возраженіе не особенно труденъ: проф. Вернадскій не выдумалъ научного міровоззрѣнія, а оно есть вполнѣ реальный фактъ умственной и культурной жизни человѣчества, существующій не только теперь, но и существовавшій гораздо раньше, чѣмъ проф. Вернадскій родился, даже вообще существовавшій во всѣ времена, когда только существовала наука. И мнѣ представляется, что этотъ реальный фактъ допускаетъ довольно точное опредѣленіе. Научнымъ міровоззрѣніемъ можно назвать такой взглядъ на дѣйствительность въ ея цѣломъ, который, во-первыхъ, раздѣляется большинствомъ научныхъ изслѣдователей данного времени, какъ единственно нормальный и истинный, и отъ нихъ съ такою высокою оцѣнкою распространяется въ образованной публикѣ, и который, во-вторыхъ,—за вычетомъ общихъ умозрительныхъ положений, о значеніи которыхъ для научного міровоззрѣнія я уже говорилъ и буду говорить еще,—слагается изъ доказанныхъ научныхъ истинъ, изъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ научныхъ обобщеній и выводовъ, изъ теорій и гипотезъ, господствующихъ въ данное время въ отдѣльныхъ областяхъ научного вѣдѣнія, и, наконецъ, изъ научныхъ допущеній и даже вспомогательныхъ фикцій, которымъ дано объективное толкованіе. Всѣ эти, весьма пестрые и разнообразные и во всякомъ случаѣ далеко не равноцѣнны, элементы сплетаются въ одну общую картину мірозданія, о которой думаютъ, что она наиболѣе соответствуетъ научному состоянію данного исторического момента. Эта картина можетъ значительно варіироваться въ отдѣльныхъ умахъ по своимъ подробностямъ, но ея общий смыслъ одинаковъ, по крайней мѣрѣ у большинства людей, желающихъ имѣть научный взглядъ на вещи. Что такой научный или называющій себя научнымъ взглядъ на міръ въ его цѣломъ существуетъ въ наши дни, спорить противъ этого болѣе странно, чѣмъ когда-нибудь.

Вѣдь эти сочетанія словъ: „научное міровоззрѣніе“, „положительное міровоззрѣніе“, „позитивное міровоззрѣніе“, такъ часто встрѣчаются и въ философскихъ, и въ ученыхъ разсужденіяхъ, они получили такія широкія права гражданства и въ литературѣ, и въ публицистикѣ, съ ними настолько убѣжденno соединяютъ представлениe о чёмъ-то такомъ, что опровергаетъ, замѣняетъ и въ корнѣ упраздняетъ всѣ виды метафизического и религіозно-мистического міропониманія, что думать, будто съ этими словами въ умѣ произносящихъ ихъ не соединяется ровно никакой идеи, мнѣ представляется непонятною смѣлостью. Хотя бы противники проф. Вернадского просто сказать, что если міросозерцаніе называется научнымъ, то стало быть въ немъ и есть все научно, и все одинаково достовѣрно? Однако бремя доказательства такого положенія всецѣло лежитъ на нихъ, и во всякомъ случаѣ имъ бы слѣдовало, прежде чѣмъ его высказывать, опровергнуть проф. Вернадского, а не начинать съ упрека въ томъ, что онъ говоритъ о несуществующемъ предметѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, противъ всякаго неразборчиваго смѣшения научнаго міросозерцанія съ научною истиной всегда существуетъ одно принципіальное возраженіе: научное міровоззрѣніе и научная истина потому уже не совпадаютъ между собою, что мы не имѣемъ безспорнаго научнаго решенія вопросовъ о вселенной въ ея цѣломъ, о послѣднихъ элементахъ вещей, о природѣ матеріи, о сущности жизни, о внутренней природѣ человѣка, объ условіяхъ и двигателяхъ космической и исторической эволюціи и т. д. Между тѣмъ на всѣ эти вопросы научное міровоззрѣніе свой посильный отвѣтъ даетъ, иначе оно не было бы и міровоззрѣніемъ. Его сторонники обыкновенно даже думаютъ, что они лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, понимаютъ и решаютъ эти проблемы,—какъ бы они могли въ противномъ случаѣ вѣрить, что ихъ взгляды дѣлаютъ ненужными и лишними какія бы то ни было метафизическія и мистическія гаданія?

Что научное міровоззрѣніе не слагается изъ однихъ безспорныхъ данныхъ отдельныхъ специальныхъ наукъ, это станетъ особенно яснымъ, когда мы во всей широтѣ поставимъ вопросъ о чисто-умозрительныхъ его элементахъ. Въ законахъ сохраненія вещества и сохраненія энергіи мы имѣли примѣры такихъ положеній, которыя допускаютъ нѣкоторую эмпирическую повѣрку, хотя скорѣе косвенную, нежели прямую, и во всякомъ случаѣ не отвѣчающую обыкновенно соединяемымъ съ ними универсальнымъ притязаніямъ. Но въ научное міросозерцаніе входятъ и такія умозрительныя положенія и предположенія, которыя лежатъ въ основаніи всякихъ научныхъ заключеній и повѣрокъ,—которыя составляютъ коренные условия науки и поэтому уже не могутъ быть предметомъ доказательства въ научныхъ дисциплинахъ, посвященныхъ изученію какихъ-нибудь специальныхъ областей въ явленіяхъ дѣйствительности. Какъ примѣры положеній этой категоріи, возьмемъ законъ причинности и принципъ безусловнаго единообразія природы. Что каждое дѣйствіе имѣеть причину, что всякое явленіе на свѣтѣ вызвано условиями и силами, которыя дѣлали его возникновеніе неизбѣжнымъ, что однѣ и тѣ же причины всегда влекутъ за собою одни и тѣ же дѣйствія, во всемъ этомъ надо быть заранѣе убѣженнымъ, чтобы приступать къ окружающей насъ дѣйствительности съ экспериментальными пріемами изслѣдованія. Вообразимъ себѣ, что какія бы то ни было идеи о связи въ явленіяхъ,—примыкающей ихъ другъ къ другу и заставляющей при возникновеніи однихъ явленій непремѣнно возникать другія,—совсѣмъ изъ нашего ума исчезли, что самый вопросъ: почему? потерялъ для нашей мысли всякое значеніе, и что, напротивъ, мы абсолютно увѣрены, что каждое слѣдованіе явленій другъ за другомъ есть только ихъ совпаденіе, ничѣмъ изнутри не обоснованное,—какъ тогда отъ наблюдений настоящаго и прошлаго заключать къ необходимому содержанію наблюдений будущаго? Почему тогда, если мы видѣли, что какія-нибудь явленія слѣдовали одни за другими въ прошломъ,

мы могли бы дѣлать выводъ къ повторенію подобныхъ же слѣдованій въ будущемъ? Въ чёмъ логическая правомѣрность такого перехода? Еще Юмъ доказывалъ, что прошлое вовсе не захватываетъ логически будущаго и что нѣтъ никакого смысла ихъ отожествлять между собою. Нужно уже имѣть въ умѣ идею реальной и однообразной связи между событиями дѣйствительности и нужно непоколебимо вѣрить въ эту идею, чтобы отдѣльные случаи послѣдовательности какихъ-нибудь фактовъ превратились для насъ въ показателей связывающаго эти факты реального процесса въ ихъ основѣ. Натуралистъ считаетъ достаточнымъ произвести хотя бы одинъ вполнѣ точный и отчетливый экспериментъ, чтобы возвести открывшуюся въ немъ зависимость между явленіями во всеобщее правило, т.-е. чтобы ждать подобной же зависимости и во всѣхъ будущихъ случаяхъ данныхъ явлений. Если онъ повторяетъ опыты, то только потому, что признаетъ ихъ несовершенными, считаетъ возможнымъ, что открывшаяся ему зависимость оцѣнена имъ невѣрно, и отыскиваетъ факты болѣе рѣшительного характера. Но когда такой рѣшающій фактъ имъ найденъ, онъ прямо переходитъ къ его обобщенію. И вотъ спрашивается: какъ бы это было для него мыслимо, если бы онъ не былъ убѣжденъ заранѣе, что на свѣтѣ нѣтъ безпричинныхъ вещей и что причинность природы всегда одинакова? Иначе для него всегда оставалась бы возможность предположить, что этотъ рѣшающій фактъ есть абсолютная случайность, и что сказавшаяся въ немъ зависимость явлений, быть можетъ, никогда не повторится. Другими словами, натуралистъ уже долженъ быть увѣренъ въ законѣ причинности и въ единообразіи природы, чтобы производить опыты такъ, какъ онъ ихъ производить.

Но откуда же онъ почерпаетъ свою вѣру? Тоже изъ отдѣльныхъ опытовъ? Однако не говоря уже о томъ, что приписываемая началамъ причинности и единообразія неограниченная универсальность, не допускающая для нихъ никакихъ исключений во всей вселенной, очевиднымъ обра-

зомъ устраняетъ возможность ихъ дѣйствительнаго обоснованія изъ какихъ бы то ни было опытовъ,—мы, кромѣ того, видѣли уже, что отдельные опыты могутъ доставить материалъ для сколько-нибудь твердыхъ обобщеній лишь въ томъ случаѣ, когда сейчасъ названныя начала заранѣе признаются непреложными. Опытъ не можетъ обосновывать этихъ началъ по той простой причинѣ, что онъ самъ, во всемъ своемъ составѣ, весь на нихъ опирается и ихъ предполагаетъ. Что же? Скажемъ ли мы, что причинность и единообразіе природы должны составлять предметъ непосредственной вѣры, котораго ничѣмъ нельзя доказать, но надъ которымъ, съ другой стороны, никакъ нельзя и возвыситься, какъ учila старая шотландская школа? Но тогда не окажется ли, что весь человѣческій опытъ и вся человѣческая наука относятся къ области слѣпой вѣры, а вовсе не знанія? Итакъ, если для этихъ всеобщихъ началъ опытнаго знанія не можетъ быть эмпирическаго оправданія и обоснованія, они должны подлежать только умозрительному обоснованію: вѣдь въ данныхъ обстоятельствахъ нельзя указать никакого третьаго выхода. Если и умозрѣніе не установить объективнаго значенія этихъ началъ, вся наука, какая есть, превратится въ случайный миражъ субъективныхъ мнѣній. Определить цѣну этихъ всеобщихъ законовъ и границы ихъ примѣненія можетъ только та область человѣческаго вѣданія, которая, возвышаясь надъ всякими частными данными опыта, решаетъ принципіальные вопросы объ условіяхъ познаваемости вообще и объ условіяхъ возможности всего дѣйствительнаго,—какъ бы мы ни назвали эту область—гносеологіей, онтологіей, метафизикой, или просто философіей, или какъ-нибудь иначе.

Мнѣ кажется, что законъ причинности, по крайней мѣрѣ въ томъ его общечеловѣческомъ смыслѣ, съ которымъ онъ безотчетно присутствуетъ въ каждомъ умѣ (а не въ толкованіяхъ отдельныхъ философскихъ школъ, которая часто этотъ смыслъ ограничиваютъ), допускаетъ полное умозрительное оправданіе въ своей неограниченной объективной

обязательности. Этот выводъ я пытался подробно доказать во второй части моихъ „Положительныхъ задачъ философии“¹⁾. Я старался показать тамъ, что законъ причинности въ его общемъ смыслѣ представляетъ логически и психологически необходимый синтезъ самыхъ основныхъ, очевидныхъ и существенныхъ требованій нашего разума и самыхъ коренныхъ условій и данныхъ въ организаціи всего нашего опыта. Всегда обращаю нашу мыслю ко всему познаваемому постулатъ единства и внутренняго тожества встрѣчаетъ въ этомъ законѣ объективное соотвѣтствіе и конкретный материалъ въ идеяхъ силы и дѣятельности, которые неустранимо вплетаются во всѣ элементы состава нашего опыта: мы все переживаемъ и испытываемъ лишь какъ свое или чужое дѣйствіе; все, что съ нами происходитъ, вызывается или нами самими, или возникаетъ помимо насъ и принудительно для насъ. Въ понятіяхъ дѣятельности, усиленія, принужденія, мы имѣемъ далѣе неразложимыя психологическія категоріи, между которыми съ неизбѣжностью распредѣляются всѣ подробности нашихъ субъективныхъ переживаній. Но, съ другой стороны, въ этихъ же идеяхъ силы и дѣйствованія, взятыхъ въ ихъ наиболѣе общемъ и свободномъ отъ конкретныхъ данныхъ психологического опыта смыслѣ, мы имѣемъ предельные понятія нашего ума, вѣрь которыхъ мы ничего не можемъ представить себѣ реальнымъ. Мы только то мыслимъ существующимъ, что какъ-нибудь проявляетъ себя, въ чемъ реализовались и съ чѣмъ связаны какія-нибудь дѣйствія; напротивъ то, что никакъ себя не заявляетъ ни для себя самого, ни для бытія ему виѣшняго, тому мы не можемъ приписать дѣйствительности въ сколько-нибудь понятномъ для насъ смыслѣ: „что не дѣйствуетъ, то не существуетъ“, говорилъ еще Лейбницъ. Съ понятіемъ бытія для насъ нераздѣльно сливаются идея какого-нибудь дѣйствованія въ какомъ-нибудь отношеніи. А вѣдь это значитъ, что въ понятіи бытія для

¹⁾ Главы II и III.

насъ всегда подразумѣвательно содержится понятіе причинности, потому что въ своемъ коренномъ значеніи идея дѣйствованія и идея причинности неразличимо переходятъ другъ въ друга. Когда мы захотимъ приписать чemu-нибудь бытіе, но въ то же время мысленно отнимемъ у него всѣ виды активной реализаціи въ какомъ бы то ни было отношеніи, тогда, утверждая бытіе такой вещи, мы на самомъ дѣлѣ будемъ отрицать его. Отъ бытія въ такомъ случаѣ останется одно пустое слово, потому что въ отвлеченномъ понятіи бытія никакого другого признака больше и не содергится, кроме дѣйствованія, т.-е. причинности, въ самомъ абстрактномъ и неопределѣленномъ смыслѣ. Надо разъ на всегда убѣдиться, что мы совершенно серьезно не въ состояніи мыслить бытія абсолютно бездѣйственнаго, абсолютно безпричиннаго и абсолютно безсильнаго. Да будетъ мнѣ позволено ограничиться здѣсь только этимъ очень общимъ напоминаніемъ моихъ прежнихъ выводовъ. Болѣе подробное обсужденіе относящихся сюда вопросовъ слишкомъ далеко отклонило бы насъ отъ нашей темы.

Итакъ, законъ причинности можно разсматривать какъ всеобщую и необходимую умозрительную истину, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что мы дѣйствительно не можемъ ни мыслить, ни представить, ни понять ничего, выходящаго совсѣмъ за предѣлы устанавливаемыхъ имъ отношеній. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ принципомъ единообразія природы. Принципъ причинности и принципъ единообразія природы въ распространенныхъ философскихъ толкованіяхъ тѣсно сливаются между собою, нерѣдко до полнаго отожествленія ихъ, но въ своей сущности они имѣютъ мало общаго. Въ дѣйствительныхъ формулахъ закона причинности, какъ онъ данъ въ каждомъ умѣ: *нынѣ дѣйствія безъ причины; изъ ничего ничего не бываетъ; во всякомъ дѣйствіи осуществляется порождающая его сила и т. д.*, — вовсе не подразумѣвается непремѣннаго и абсолютнаго единообразія въ дѣятельности и проявленіяхъ всѣхъ какихъ бы то ни было причинъ и силъ въ мірѣ. Съ другой стороны, единообразіе

природы не составляеть и такой истины, которая была бы очевидна сама по себѣ и отрицаніе которой содержало бы въ себѣ логическое противорѣчие. Развѣ мы не можемъ мыслить силъ и дѣйствій измѣнчивыхъ и неустойчивыхъ и даже не представляемъ ли мы ихъ себѣ постоянно, когда ограничиваемся только поверхностными наблюденіями надъ окружающею насъ дѣйствительностью? Я не говорю уже о томъ, что практически мы всегда приписываемъ самимъ себѣ способность выбора разнообразныхъ дѣйствій при каждомъ данныхъ обстоятельствахъ и тѣмъ самымъ безмолвно ставимъ себя въ сферы господства закона единообразія, потому что весь смыслъ этого закона въ томъ, что каждый агентъ природы при одинаковыхъ обстоятельствахъ дѣйствуетъ непремѣнно одинаково. Откуда же принципъ единообразія беретъ свою власть надъ нашимъ умомъ и какъ оправдать эту власть? Получается ли она изъ опыта? Такъ пробовалъ разрѣшить задачу Дж. Ст. Милль, объяснявшій законъ единообразія порядка природы какъ правильное индуктивное обобщеніе изъ неограниченного множества непрестанно нарастающихъ нашихъ наблюденій надъ природою. Однако, помимо того, что между отдѣльными наблюденіями, какъ бы ихъ ни было много, и абсолютнымъ смысломъ разматриваемаго принципа ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть настоящаго соотвѣтствія и соизмѣримости, самъ Милль ясноѣ, чѣмъ какой-нибудь другой логикъ показываетъ, что правомѣрная индукція предполагаетъ принципъ единообразія, какъ свою логически неизбѣжную предпосылку и опору. Такимъ образомъ мы въ его объясненіи, несмотря на всѣ его оговорки, имѣемъ явный кругъ: абсолютное единообразіе природы обосновывается изъ того самого, что только въ немъ и получаетъ свое дѣйствительное логическое оправданіе. Если даже согласиться съ Миллемъ, что обобщенія популярной индукціи черезъ простое перечисленіе, независимо отъ принципа единообразія, должны обладать извѣстною степенью вѣроятности¹⁾, все же нельзѧ не

¹⁾ Что однако, какъ мнѣ думается, неизбѣжно предполагаетъ по крайней мѣрѣ признаніе закона причинности въ его общемъ смыслѣ, какъ объектив-

замѣтить, что логическую вѣроятность самого этого принципа, какъ правила, не допускающаго никакихъ исключений и въ то же время выведенного только на основаніи такой индукціи, едва ли можно признать высокою¹⁾. А если сомнителенъ принципъ всего научнаго знанія природы, то и самое это знаніе получаетъ видъ шаткій и сомнительный.

Какъ же сдѣлать этотъ принципъ болѣе прочнымъ? Будемъ ли искать его обоснованія и оправданія въ соображеніяхъ умозрительного порядка? Но, съ точки зреянія умозрительной, хотя и представляется въ высшей степени вѣроятнымъ, что нѣкоторыя силы природы обладаютъ абсолютно неизмѣннымъ способомъ дѣйствія²⁾, но едва ли легко съ очевидностью доказать болѣе общее положеніе: *всѣ* силы и существа міра дѣйствуютъ всегда одинаково при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Какія можно было бы привести въ пользу этого положенія умозрительно безспорныя основанія, я рѣшительно не знаю. Итакъ, относительно закона единообразія природы приходится повторить то, что было

наго критерія наблюдаемыхъ явлений. Безъ этого заключеніе отъ прошлаго къ будущему не можетъ имѣть логического мотива. (См. Положит. зад. фил. ч. II, стр. 119—123).

1) Во всякомъ случаѣ доказательства, выставленныхъ Миллемъ въ защиту его парадоксальнаго положенія, по которому результаты индукціи черезъ простое перечисленіе тѣмъ болѣе достовѣрны, чѣмъ обширнѣе заключающіяся въ нихъ обобщенія, очень смутны и двусмысленны. Милль рѣшается даже утверждать, что законъ единообразія (который для него сливаются съ закономъ причинности) обладаетъ достовѣрностью не менѣе, чѣмъ аксіомы математики, потому что онъ отвлекается отъ столь же широкаго поля наблюдений, относясь ко всѣмъ предметамъ опыта, каковы бы они ни были. Но если-бъ даже было вѣрно, что математическая аксіомы суть только индуктивные выводы черезъ простое перечисленіе, едва ли можно забывать, что математическая истина и законъ единообразія природы относятся къ даннымъ, далеко не въ одинаковой степени яснымъ и условимъ. Что дважды два четыре, это мы наблюдаемъ съ абсолютной ясностью на каждомъ отдельномъ случаѣ счета, какие бы предметы мы ни считали; что возникновеніе явлений во *всѣхъ* его мельчайшихъ и бозконечно разнообразныхъ признакахъ всецѣло предопределено предшествующими условіями по абсолютно неизмѣннымъ законамъ,— этого мы *никогда* не видимъ и *никогда* не наблюдаемъ ни на какихъ явленіяхъ, а всегда только это предполагаемъ на основаніи заранѣе составленного убѣжденія.

2) Положительныя задачи философіи, ч. II, стр. 280—282.

уже сказано о болѣе конкретныхъ законахъ сохраненія вещества и энергіи: это скорѣе регулятивный, нежели конститутивный принципъ знанія. Опытъ, при самомъ благопріятномъ толкованіи, даетъ ему только косвенную, а никакъ не прямую повѣрку. Съ другой стороны, умозрѣніе, въ виду нѣкоторыхъ серьезныхъ метафизическихъ оснований, а также черезъ сопоставленіе показаній опыта съ общелогическими требованиями причинности, можетъ утверждать высокую вѣроятность существованія въ природѣ силъ, совершенно неизмѣнныхъ, притомъ съ весьма широкою сферою дѣйствія. Но это все, о чёмъ здѣсь можно говорить. Въ окончательномъ результатаѣ принципъ единообразія представляеть очень удобное правило при изслѣдованіи явлений природы, которое одно даетъ непоколебимость нашимъ обобщеніямъ и которое въ то же время практически нась не обманываетъ. Это правило полезно употреблять въ качествѣ методологического приема объясненія, даже при изученіи такихъ явлений, о которыхъ мы не увѣрены, что они ему подчиняются, какъ своему объективному закону: вѣдь дѣйствительно знать и понимать мы можемъ только такие факты, которые ему подчинились; поэтому одинъ изъ существенныхъ интересовъ науки заключается въ томъ, чтобы раздвинуть границы его примѣнимости какъ можно шире.

Въ законахъ причинности и единообразія порядка природы мы имѣемъ умозрительныя начала, которыя такъ тѣсно связаны и слиты съ процессомъ научнаго познанія, что если ихъ устраниТЬ, то всѣ научные выводы получать обликъ очень шаткій или даже и совсѣмъ сдѣлаются невозможными. Но есть и другого рода умозрительныя положенія и предположенія, которыя хотя и не вплетаются такъ интимно въ самое построеніе науки, тѣмъ не менѣе являются неизбѣжными предпосылками научнаго міровоззрѣння, невольными условіями самого его существованія. Вѣдь научное міровоззрѣніе есть дѣйствительно *міровоззрѣніe*, т.-е. нѣкоторое опредѣленное представленіе о томъ великомъ цѣломъ, въ которое каждый изъ нась входитъ, какъ

его безконечно малая крупица, съ которымъ мы живемъ одною, нераздѣльною жизнью и отъ которого мы многообразно зависимъ и въ своемъ бытіи, и во всѣхъ своихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что это міровоззрѣніе, по крайней мѣрѣ у большинства своихъ защитниковъ, обладаетъ явно реалистическимъ характеромъ: въ немъ настойчиво предполагается независимое отъ насъ и вполнѣ объективное бытіе вещественного субстрата всѣхъ феноменовъ природы съ его общими физическими свойствами, объективное бытіе пространства, въ которомъ распределены и движутся вещи, объективное бытіе времени, въ которомъ протекаетъ безконечно разнообразная эволюція вселенной; по своей величинѣ этоѣ пространственно-временный вещественный міръ почти единодушно всѣми представляется какъ совсѣмъ безконечное цѣлое. Но вѣдь это значитъ, что научное міровоззрѣніе опирается на весьма сложный рядъ предпосылокъ очень общаго содержанія, въ которыхъ утверждается: *независимое отъ насъ бытіе винтическаго міра, независимое отъ насъ бытіе физической вещества, объективное бытіе пространства, таковое же бытіе времени, бесконечность вселенной и т. д.* Даже у тѣхъ представителей научнаго міросозерцанія, которые стараются ему дать возможно болѣе идеалистический видъ, изъ этихъ предпосылокъ устраняются лишь нѣкоторыя, но никогда не всѣ.

И вотъ я спрошу: откуда же берутся эти предпосылки? Представляютъ ли онѣ достовѣрные выводы отдѣльныхъ наукъ? Но какихъ же? Физики, химіи, механики, математики? Какие же именно законы и теоремы этихъ наукъ устанавливаютъ независимое отъ насъ бытіе столь разнообразныхъ и столь важныхъ вещей? Вѣдь, за исключеніемъ математики, которая имѣеть дѣло съ условными и абстрактными построеніями, всѣ другія перечисленныя науки опираются на опытъ. Но можетъ ли опытъ дать то, чего въ немъ завѣдомо нѣтъ и чего въ немъ и быть не можетъ? Какъ по опыту судить о томъ, что всецѣло находится внѣ

опыта—о независимомъ бытии предметовъ внѣшняго міра въ ихъ абсолютной объективности? Едва ли нужно долго доказывать, что нашъ внѣшній опытъ доставляетъ намъ только чувственные восприятія, которые слагаются изъ ощущеній, т.-е. нашихъ субъективныхъ психическихъ состояній, и что поэтому только о нихъ въ предѣлахъ опыта и можно судить. Бытие материальныхъ вещей, съ ихъ свойствами и формами, внѣ нашихъ воспріятій, какъ какихъ-то независимыхъ отъ сознанія двойниковъ того, что мы прямо наблюдаемъ, очевиднымъ образомъ устанавливается не опытомъ,—это только наша догадка, которую приходится обосновывать внѣ его прямыхъ показаній. Чѣмъ же эта догадка внушается? Слѣпою инстинктивною вѣрою, что какой-то внѣшній міръ есть? Можно ли однако міросозерцаніе, которое въ своихъ наиболѣе существенныхъ и коренныхъ посылкахъ опирается на слѣпую вѣру, назвать *научнымъ*? И, наоборотъ, разъ оно дѣйствительно научно, не должно ли оно для этихъ посылокъ искать логического оправданія? И если опытъ такого оправданія дать не можетъ, то не приходится ли за нимъ опять обратиться къ той области знанія, которая предваряетъ опытъ и выросшія изъ него специальная дисциплины, которая судить опытъ и умозрительно устанавливаетъ условія его возможности и которая носитъ название философіи. Вѣдь и исторически вопросы о бытии внѣшняго міра, независимаго отъ нашихъ ощущеній, о бытии пространства, времени, бесконечности и т. п. получали опредѣленное рѣшеніе только въ ученіяхъ философовъ. Это не была историческая случайность: сейчасъ указанные вопросы по всему своему существу принадлежать къ разряду умозрительныхъ, а не эмпирическихъ проблемъ.

IV.

Изъ всего изложенного съ неизбѣжностью вытекаетъ тотъ выводъ, который нашелъ себѣ такое сильное и обдуманное выраженіе въ ранѣе приведенныхъ мѣстахъ статьи

проф. Вернадского. Этотъ выводъ можно формулировать такъ: научное міросозерцаніе никоимъ образомъ не исключаетъ и не упраздняетъ философіи и философскаго разсмотрѣнія міра. Для этого можно указать слѣдующія простыя основанія: во-первыхъ, научное міровоззрѣніе слагается изъ элементовъ неравнаго достоинства и въ своемъ наличномъ составѣ далеко не представляетъ чего-нибудь вполнѣ достовѣрнаго; во-вторыхъ, въ него входятъ элементы чисто умозрительные, имѣющіе огромное значеніе для всего его содержанія и весьма нуждающіеся въ умозрительному критическому оправданіи, ибо иначе они обращаются въ простые предразсудки или необоснованныя предубѣжденія.

Къ этому можно было бы присоединить еще одно соображеніе: научное міросозерцаніе, слагаясь въ наибольшей своей долѣ и въ своихъ конкретныхъ подробностяхъ изъ выводовъ, предположеній и фикцій отдѣльныхъ специальныхъ наукъ, неизбѣжно получаетъ нѣсколько односторонній видъ. Частныя науки создаютъ свои гипотезы въ виду опредѣленныхъ конкретныхъ задачъ и оцѣниваютъ ихъ исключительно съ точки зрењія ихъ полезности и удобства для рѣшенія этихъ задачъ. Но въ частныхъ научныхъ дисциплинахъ имъ не дѣлается оцѣнки по ихъ принципіальной внутренней вѣроятности, по ихъ умозрительному достоинству съ точки зрењія универсальныхъ условій и связей всякаго бытія вообще, по ихъ пригодности и удобству въ качествѣ элементовъ законченной картины вселенной и по ихъ мѣсту въ этой картинѣ. Для такой оцѣнки у этихъ дисциплинъ нѣть никакого твердаго критерія, да нѣть и непосредственнаго интереса въ ней. Между тѣмъ она имѣетъ несомнѣнно огромную важность въ интересахъ общаго міросозерцанія, какъ цѣлостнаго представленія о совокупномъ бытіи вещей въ ихъ внутреннихъ связяхъ и основныхъ факторахъ. У химика, напримѣръ, который весь увлеченъ только задачами своей науки, существованіе въ природѣ семидесяти или восьмидесяти основныхъ химическихъ элементовъ, неразло-

жимыхъ другъ на друга и не сводимыхъ другъ къ другу, едва ли вызываетъ серьезное недоумѣніе: для него это данный фактъ, которымъ приходится объяснять все остальное; открытие всякаго новаго элемента въ его глазахъ есть важный шагъ науки впередъ. Напротивъ, для философа существованіе такого огромнаго множества космическихъ матерій разнаго качества представляеть гнетущую загадку, и предъ его умомъ неотступно стоитъ требованіе свести это разнообразіе основныхъ веществъ къ какому-нибудь единству внутренней природы и происхожденія. Точно такъ же въ то время, когда явленія электричества и магнетизма удовлетворительно объяснялись теоріями электрическихъ и магнитныхъ жидкостей, физиковъ мало смущали таинственные свойства этихъ жидкостей и ихъ взаимная обособленность; наоборотъ, философовъ неизбѣжно должно было поражать несоответствіе между подобными гипотезами и умозрительнымъ стремленіемъ установить внутреннее единство и логически понятные признаки основныхъ факторовъ природной жизни. Философія въ этомъ смыслѣ неоднократно набрасывала смѣлый планъ внутренняго объединенія отдѣльныхъ силъ природы, который потомъ медленно и иногда даже въ подробностяхъ исполнялся работниками науки. Исторія механическаго міросозерцанія представляетъ наилучшее тому доказательство.

Въ виду всего предшествующаго, мы вообще можемъ сказать, что философія имѣть полное оправданіе своего существованія въ своихъ коренныхъ задачахъ, неразрѣшимыхъ эмпирическими средствами. Это задача *инссолоїческая*, во-первыхъ, *метафизическая*, во-вторыхъ. Рѣшая первую задачу, философія стремится отвѣтить на вопросъ о возможності и предѣлахъ человѣческаго познанія. Рѣшая свою вторую задачу, которая обращаетъ философію въ источникъ опредѣленного міросозерцанія, она пытается установить настоящіе признаки дѣйствительно существующаго въ немъ самомъ и, сообразно съ этимъ, понять весь міръ, какъ универсальную, единую, внутренно связную систему су-

ществъ. Пока эти задачи не разрѣшены какъ-нибудь, до тѣхъ поръ никакая наука, никакое знаніе и никакое міросозерцаніе не имѣютъ твердой почвы подъ ногами. Въ самомъ дѣлѣ, косвенное оправданіе философіи заключается именно въ томъ обстоятельствѣ, что наука настойчиво нуждается въ помощи философіи въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, для умозрительной оцѣнки нѣкоторыхъ основныхъ, эмпирически недоказуемыхъ предположеній науки, во-вторыхъ, для принципіальной критики обобщеній и предположеній отдельныхъ специальныхъ дисциплинъ въ интересахъ общихъ задачъ ихъ дальнѣйшей работы.

Несмотря, однако, на такую вспомогательную роль философіи по отношенію къ наукѣ и на несомнѣнныя точки соприкосновенія между ними, научное и философское міровоззрѣнія, для правильного ихъ пониманія, даютъ свои построенія, такъ сказать, въ разныхъ плоскостяхъ или въ разныхъ умственныхъ планахъ. Научное міровоззрѣніе, по самому свойству материаловъ, изъ которыхъ оно строится, имѣетъ дѣло съ вещами, какъ они обнаруживаются, въ условіяхъ нашего чувственного опыта, и слагается изъ обобщеній и предположеній объ ихъ эмпирически данномъ составѣ и его законахъ. Всякая болѣе объективная его оцѣнка зависитъ, какъ мы уже видѣли, отъ признанія чисто умозрительныхъ положеній, смыслъ и достовѣрность которыхъ всецѣло подлежатъ философскому изслѣдованію, и которые, стало быть, вводятся въ научное міровоззрѣніе извнѣ. Напротивъ, философское міровоззрѣніе стремится постигнуть собственную природу вещей, независимо отъ субъективной окраски, вносимой въ нихъ нашею чувственною воспріимчивостью, и въ виду универсальныхъ условій всякаго мыслимаго бытія вообще: оно пытается понять идеальную внутреннюю связь вещей и обосновывающее эту связь изначальное единство ихъ. Оттого очень многое, что въ научномъ міросозерцаніи является пунктомъ отправленія, въ философіи представляеть проблему для рѣшенія. Въ специальныхъ научныхъ дисципли-

нахъ,—а, следовательно, и въ міровоззрѣніи, слагающемся изъ ихъ обобщеній,—пространство, время, причинность, реальность вещества и т. д., суть первоначальная данная, изъ которыхъ онъ объясняютъ все другое. Напротивъ, для философіи во всей серьезности стоятъ вопросы: что такое пространство и время, только ли субъективныя формы нашего сознанія или они въ какомъ-нибудь смыслѣ свойство и принадлежность самихъ вещей? Существуетъ ли матеріальный міръ независимо отъ насъ или онъ только кажется намъ и есть лишь наше представлениe? Связь причинъ и дѣйствій дана ли въ самой дѣйствительности или есть только нашъ субъективный способъ ея пониманія? Всѣ эти вопросы требуютъ того или другого отвѣта, если мы вообще хотимъ имѣть сознательное міросозерцаніе. А это значитъ, что рядомъ съ наукой должна существовать философія, какъ особая сфера познанія, разсматривающая и посильнорѣшающая всякие подобные вопросы.

Оттого далѣе въ научномъ міровоззрѣніи, по крайней мѣрѣ въ его современномъ состояніи, на первомъ планѣ стоитъ понятіе о веществѣ, его законахъ и процессахъ: лишь оно даетъ дѣйствительно наглядныя схемы для научныхъ выводовъ и построеній. Напротивъ, понятіе о духѣ, какъ самобытномъ факторѣ жизни,—въ виду невозможности найти для него исчерпывающій наглядный образъ, въ виду несовершенства эмпирической психологіи, наконецъ въ виду крайней трудности экспериментально установить самостоятельную природу духа по отношенію къ міру физическому,—совсѣмъ выносится за предѣлы научнаго міровоззрѣнія, какъ оно существуетъ теперь.

Совершенно обратно тому, въ философскихъ воззрѣніяхъ, по крайней мѣрѣ въ ихъ значительномъ большинствѣ, да и по самой сущности философскихъ задачъ, понятіе о духѣ получаетъ центральное положеніе и мѣсто. Вѣдь мы только себя и свой субъективный міръ знаемъ непосредственно и прямо, какъ онъ есть,—все другое мы знаемъ черезъ него. Бытіе нашего сознанія есть та единственная дѣйстви-

тельность, которая намъ открыта въ своей настоящей внутренней сути. Поэтому философія, когда она пытается разгадать внутреннюю сущность познаваемаго міра, прежде всего поневолѣ должна обращаться къ этой единственной точкѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ несомнѣнную дѣйствительность, неискаженную никакими посторонними дополненіями. Содержаніе нашего сознанія непремѣнно сознается нами такимъ, каково оно есть, потому что мы только то и называемъ содержаніемъ сознанія, что нами сознается и какъ оно сознается. Здѣсь нѣть различія между воспринимаемыми объектами и нашимъ субъективнымъ восприятіемъ, потому что предметомъ восприятія здѣсь является *субъективное*, какъ таковое: наши мысли суть именно то, что мы въ нихъ думаемъ, наши чувства представляютъ именно то, что мы въ нихъ чувствуемъ, наши хотѣнія состоять именно изъ того, какъ мы въ нихъ хотимъ. Въ то же время всякая другая дѣйствительность дана намъ лишь настолько, насколько она отразилась въ нашемъ познающемъ духѣ сообразно съ его свойствами и законами; поэтому лишь отправляясь отъ него мы можемъ надѣяться понять и то, что находится внѣ его ¹⁾.

Итакъ, философія, чтобы приблизиться къ внутреннему существу какой бы то ни было дѣйствительности, должна исходить изъ дѣйствительности духа. Подобнымъ же образомъ, когда философія ставить себѣ цѣлью уловить идеальную связь и внутренній смыслъ существующаго, она неизбѣжно обращается къ понятіямъ и даннымъ, почерпаемымъ изъ самосознанія духа, и судить все реальное по духовнымъ аналогіямъ. Вѣдь внѣшній опытъ не даетъ намъ никакихъ внутреннихъ связей между явленіями,—о нихъ мы можемъ лишь дѣлать догадки. Внутренняя связь раскрывается намъ только въ послѣдовательности состояній нашего собственяго духа и въ объединяющей дѣятельности нашего сознанія.

1) См. болѣе подробно обо всемъ этомъ въ моемъ „Методѣ самонаблюденія въ психології“, стр. 1032—1036 (Вопросы философіи и психологіи, кн. 62)

нія¹⁾). Съ другой стороны, понятія *смысла*, *цѣлесообразности*, *разумности* слишкомъ явно имѣютъ психологическое происхожденіе. Поэтому во всѣхъ философскихъ теоріяхъ, стремящихся освѣтить вопросъ о разумномъ смыслѣ міровой жизни, первое начало вещей необходимо характеризуется признаками духовными и опредѣляется какъ абсолютный разумъ, міровая воля, безконечный духъ и т. д.

Напротивъ, исчерпывающее опредѣленіе коренной сущности материального міра представляетъ для философіи самую трудную проблему, едва ли даже допускающую окончательное рѣшеніе при современной, все болѣе возрастающей, неопределенности и шаткости научныхъ представлений о реальномъ субстратѣ всего вещественнаго. Извѣстная теорема Пуанкаре, простая по содержанию, но великай по своимъ послѣдствіямъ, разъ навсегда разбила надежды когда-либо проникнуть во внутреннее строеніе вещей на почвѣ механическихъ и материалистическихъ предположеній. По прямому смыслу этой теоремы, если найдена одна механическая картина міра или какихъ-нибудь явлений въ немъ, ихъ можетъ быть найдено безконечное множество другихъ, одинаково хорошо отвѣчающихъ своей цѣли. Другими словами, никакая точность механическаго толкованія не можетъ служить какимъ-нибудь ручательствомъ за его объективную реальность. Разсчитывать, что ученымъ въ ихъ попыткахъ разрѣшить механическую проблему вселенной удастся напасть именно на ту комбинацію элементовъ, которая дана въ ней реально, означаетъ то же, что надѣяться вынуть одинъ черный шаръ изъ безконечнаго количества бѣлыхъ. Впрочемъ, если бъ даже на ихъ долю и выпала такая невозможная счастливая случайность, они обѣ этомъ все равно никогда не узнали бы. Такимъ образомъ механическій материализмъ, въ которомъ такъ долго видѣли наилучшій путь для проникновенія въ глубочайшія тайны природы, отбрасывается къ далекой старинѣ, когда эпіку-

¹⁾ Тамъ же, стр. 1044—1052.

рейцы заявляли скромное притязаніе устанавливать только возможныя, а не дѣйствительныя причины вещей. Между тѣмъ философія въ вопросѣ о конкретномъ строѣ материальной вселенной болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой сферѣ знанія, вынуждена считаться съ показаніями опыта и съ тѣми толкованіями, которые вытекаютъ изъ нихъ. Априористическое выведеніе эволюціи материальной природы изъ данныхъ чистой мысли неоднократно становилось излюбленною темою философскихъ изслѣдованій, но философія, кажется, никогда не терпѣла такихъ кричащихъ неудачъ и пораженій, какъ именно при рѣшеніи этой роковой проблемы. Но если, съ другой стороны, и никакія объясненія, внушенные опытомъ, относительно конкретнаго строенія вещества и отдѣльныхъ процессовъ въ немъ, какъ бы ни были они совершенны въ механическомъ отношеніи, не могутъ имѣть претензіи на объективную достовѣрность, философіи, повидимому, только остается отказаться отъ надежды безспорнымъ образомъ установить правильное пониманіе конкретной сущности и конкретнаго смысла материальной дѣйствительности. Для нея, съ этой точки зрењія, остается только одна задача: дать возможно болѣе вѣроятное рѣшеніе вопросу о томъ, что такое вещество по своимъ основнымъ, всеобщимъ свойствамъ, независимо отъ его эмпирически даннаго расположенія въ тѣхъ или иныхъ явленіяхъ природы?

Однако и этотъ вопросъ допускаетъ ли какое-нибудь одно для всѣхъ обязательное рѣшеніе? Напримѣръ, съ точки зрењія обыкновенного реалистического взгляда на вещи, какой теоріи вещества отдать предпочтеніе,—механической, динамической или энергетической¹⁾? Существуютъ ли дѣйстви-

1) По механической гипотезѣ, вещество состоитъ изъ протяженныхъ и непроницаемыхъ атомовъ,—по гипотезѣ динамической, атомы суть непротяженные точки или пучки силъ, дѣйствующихъ на разстояніи на другое подобные же пучки,—по энергетической гипотезѣ, вещества, какъ всеобщаго субстрата всѣхъ процессовъ природы, нѣтъ вовсе, а въ своей дѣйствительности оно представляетъ лишь одну изъ многихъ формъ единой міровой энергіи.

тельныя логическія основанія, чтобы одну изъ нихъ признать объективно вѣрною, а другія отвергнуть, какъ субъективныя иллюзіи? Да и самая точка зре́нія реализма можетъ ли быть умозрительно оправдана? Вѣдь она прежде всего предполагаетъ абсолютно объективное бытіе пространства, а въ этомъ предположеніи заключается столько трудностей и даже противорѣчій для мысли, что на немъ едва ли можно серьезно успокоиться. Усвоимъ ли ради этихъ соображеній идеалистично-спиритуалистическое воззрѣніе на матерію? Но и въ предѣлахъ спиритуалистическихъ посылокъ можно ли указать какое-нибудь одно обязательное толкованіе внутренней природы вещества, исключающее всякия другія его толкованія? Правда, въ этомъ случаѣ наибольшую популярностью пользуется монадологическая гипотеза, по которой каждый атомъ вещества есть самъ въ себѣ одушевленный центръ, живущій внутреннею жизнью, которая представляеть элементарную аналогію тому, что мы въ себѣ переживаемъ, какъ свою психику. Но эта гипотеза есть ли единственно возможная въ области спиритуалистическихъ предположеній? Развѣ не въ одинаковой мѣрѣ мыслима и гипотеза *идеалистическою динамизма*, по которой отдельные материальные центры вовсе не обладаютъ обособленною психическою индивидуальностью, а представляютъ изъ себя только пункты сочетанія или разнообразнаго пресѣченія универсальныхъ космическихъ силъ, въ которыхъ непосредственно реализуется духовная основа сущаго? И развѣ въ этомъ направлениіи нельзя итти еще и дальше? Развѣ, наприм., исходя изъ идеалистического положенія, что все существующее дано въ чьемъ-нибудь сознаніи, или своемъ или чужомъ, и что абсолютно безсознательного бытія нѣтъ,—нельзя предположить, что материальный міръ со всѣми его пространственно-временными различіями данъ только въ сознаніи конечныхъ субъектовъ, и что въ духѣ безконечномъ, въ соотвѣтствіе съ нимъ, содержится лишь вѣчная универсальная схема тѣхъ дѣйствій, которыми онъ вызываетъ чувственный образъ материальной